

13 Июля 1929 г.

№ 28.

КРАСНАЯ ПЯНОРАМА

А. П. ЧЕХОВ и МАНГУСЫ

Мих. Пав. Чехов

«Лжедимитрий и актеры», «Тургенев и тигры» — такие статьи писать можно и они пишутся. Вероятно, сам Чехов провидел, когда записывал эту мысль в свою памятную книжку, что на такую именно тему я буду писать о нем.

7 Декабря 1890 года Чехов возвратился с Сахалина через Индию в Россию и дал мне из Одессы телеграмму, чтобы я его встретил в Москве. В это время я находился вместе с матерью в г. Алексине, Тульской губернии. Так как мы поджидали его к 10, а он приехал на три дня раньше, то пришлось спешить, и мы с матерью решили выехать к нему навстречу в Тулу, так как добраться до Москвы раньше его все равно не успели бы. Когда мы подъехали к Туле, то скорый поезд, на котором ехал Чехов, уже прибыл с юга и Антон Павлович обедал на вокзале в обществе мичмана Глинки, возвращавшегося с Дальнего Востока, и какого-то странного с виду человека, инородца, с плоским лицом и с узенькими, косыми глазами. Это был главный священник о-ва Сахалина, пероманах Ираклый, бурят, приехавший вместе с Чеховым и Глинкой в Россию и бывший в штатском костюме неленого сахалинского покроя. Антон Павлович и Глинка привезли с собою из Индии, с о-ва Цейлона, по комнатному зверку мангуса (*Herpestes griscus*) и когда они обедали, то эти мангусы становились на задние лапки и заглядывали к ним в тарелки. Этот сахалинский пероманах с плоской как доска физиономией и без малейшей растительности на лице и мангусы казались настолько экзотическими, что вокруг обедавших собралась целая толпа и смотрела на них, разинув рты.

— «Это индеец?» слышались вопросы. — «А это обезьяны?»

После трогательного свидания с писателем я и мать сели с ним в один и тот же вагон и все пятеро покатили в Москву. Оказалось, что кроме мангуса, Антон Павлович вез с собой в клетке еще и мангуса-самку, очень дикое и злобное существо, превратившееся вскоре в пальмовую кошку, так как продавший ее Чехову индеец попросту его надул и продал ее тоже за мангуса.

В Москву приехали вечером, на Малую Дмитровку в д. Фирган, и тотчас же спустили мангуса с веревочки,

чтобы дать ему отдохнуть с дороги, и отворили дверцу в клетке пальмовой кошки. Она тотчас выскочила из нее и забилась глубоко под библиотечный шкаф, из-под которого вылезала потом очень редко, да и то большей частью только по ночам.

Мангус с первых же минут почувствовал себя в Москве, как дома. Он сразу же вообразил себя хозяином, и не было никаких возможностей унять его любопытство. Величиною с кошку, с длинным, толстым, упругим хвостом, он то и дело вставал на задние лапки и совал свою симпатичную, острую мордочку положи-

тельно повсюду, в каждую щелочку, в каждое отверстие. Ничто не ускользало от его внимания. Он выскребывал коготками грязь из узеньких щелочек в паркете, отдираал обои и смотрел, нет ли там клопов, прыгал на колени и совал нос в стаканы с чаем и в сахарницу, перелистывал книги и залезал лапкой в чернильницу. До всего ему было дело.

Раза два или три на моих глазах он вспрыгивал на стол, поднимался на задние лапки и заглядывал в горящую лампу сверху. Как он не обжегся, для меня осталось непостижимым. Когда он оставался в комнате один, то начинал тосковать и кричал, и когда к нему кто-нибудь входил из наших домашних, то он искренне радовался. У себя на родине, на о-ве Цейлоне, мангус представлял собою домашнее животное, столь же необходимое в быту, как и кошка и собака у европейца. Там он истребляет мышей и змей, очищает жилище от паразитов и живет в редкой дружбе с человеком.

Но у нас в Москве, да еще зимой, в тесной квартире, сожительество с мангусом, и в особенности с пальмовой кошкой, оказалось в высокой степени неудобным. В своих экскурсиях за мухами, пауками и вообще благодаря своему необыкновенному любопытству, мангус так много рвал одежды, обоив

и обуви, а главное ставил Антона Павловича в такое подчас безвыходное положение перед посещавшими его знакомыми, что все мы с нетерпением ожидали лета, когда можно будет выехать на дачу и предоставить мангусу развлечения на лоне природы. Когда приходил к Антону Павловичу кто-нибудь из гостей и оставлял в прихожей на окошке шляпу

А. П. ЧЕХОВ.

Ранний портрет работы брата Н. П. Чехова

или перчатки, то можно было быть уверенным, что мангус найдет способ туда проникнуть, вывернуть наизнанку перчатки и разорвать их и сделать кое-что неприличное в цилиндр.

В первую же гесну, выехав на дачу в Богимово, Калужской губернии, мы взяли туда с собой и мангуса. Там он вскоре же убежал. Было жаль зверька, и именно жаль потому, что его завезли так далеко от родины только для того, чтобы он погиб где-нибудь в лесу от непривычной обстановки.

Но ничуть не бывало. Он нашелся через восемнадцать дней в каменоломне, и при этом был такой толстый, что при первом же взгляде на него можно было с грустью вспомнить лягушек и птиц, которых он за свое отсутствие съел.

Как-то в июле он дал нам представление: мы сидели большой компанией в парке, в одной из липовых аллей, когда вдруг выползла длинная, с метр величиною, змея. Дети художника А. А. Киселева испугались и повскакивали с мест. Да и нам, взрослым, было неприятно.

— Мангуса сюда! Скорее! — крикнул Антон Павлович.

Я сбегал за зверьком и спустил его на землю. Едва только он увидел змею, как превратился вдруг буквально в круглый шар и остановился недвижимо. С своей стороны, и змея, почуввав невиданного заклятого врага, свернулась клубочком и подняла кверху голову. Произошла долгая, немая сцена взаимного гипноза. Затем мангус вдруг точно очнулся от него, бросился на змею, схватил ее за голову, разгрыз и потащил с собою в траву.

А. П. Чехов — 1897 г.

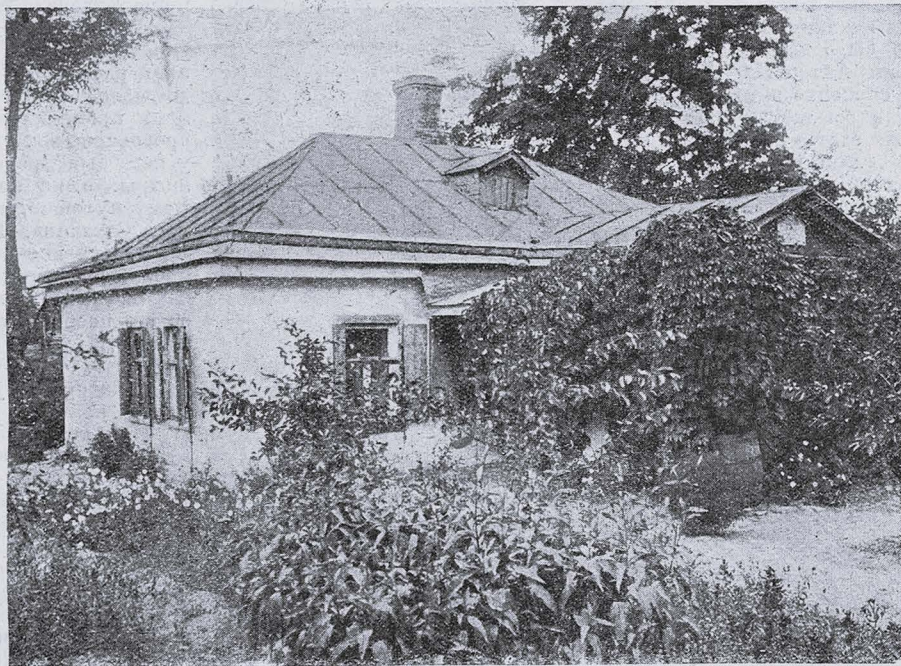
добродушно смеялся, но видно было, что и ему самому они надоели. Возвратившись осенью из Богимово, еще кое-как

Что касается пальмовой кошки, то она так и не привыкла к человеку. Все время она пряталась, уединялась, и когда приходили к нам полотеры и, разувшись, начинали натирать полы, то она вдруг неожиданно выскакивала из-под шкафа и вцеплялась полотеру в мизинец. Тот ронял щетку и воск, хватался за ногу, громко взвизгивал и восклицал:

«А, чтоб ты сдохла, проклятая!»

Квартира на Малой Дмитровке была очень тесна, и когда я приезжал к Антону Павловичу, чтобы повидаться с ним и с родителями, то поневоле приходилось иной раз устраиваться на ночлег на полу. И когда, бывало, нечаянно дрыгнешь во сне ногой под одеялом, то вдруг тебе в ногу впиался острыми зубами какой-то нечистый дух: это ночью выползала из-под шкафа пальмовая кошка, забиралась, чтобы погреться, ко мне под одеяло и в испуге от дрыгания ногой больно, до крови, кусалась. Под конец жизнь с мангусом стала прямо невозможной. Антон Павлович

дотерпел до зимы, а потом Антон Павлович написал письмо в московский зоологический сад с просьбой принять от него этих зверей в дар. Был трескучий мороз, приехал какой-то молодой человек в золотых очках, забрал их, — и с той поры мангус и его спутница сделались украшением Зоологического сада. Но как бы то ни было, а мангус успел завоевать наши симпатии, нам было жалко расставаться с ним, и сестра Мария Павловна не раз его там навещала.

Дом в Таганроге, где родился А. П. Чехов